

Научная статья

УДК 993

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.164>

Развитие концепции государства-цивилизации: религиоведческие и теологические подходы

О. Д. Агапов*

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Отмечается, что теоретико-методологическое развитие концепции государства-цивилизации в начале XXI в. предполагает активизацию стратегий транс- и междисциплинарности, взаимодействия социально-гуманитарных наук. Подчеркивается, что особое место в этом процессе должно занимать религиоведческое и теологическое познание, поскольку в цивилизационном подходе XIX–XXI вв. важнейшая роль в формировании цивилизаций отводится религиозному и/или теологическому фактору. Показывается, что важность участия религиоведов и теологов состоит в том, чтобы, опираясь на свой обширный теоретический багаж и эмпирические исследования, стать той *интеллектуальной силой*, обладающей своей научно-исследовательской программой, способной деконструировать наиболее радикальные интерпретации философии истории, исключающие место и роль религиозных институтов и практик в динамике человеческого рода. Делается вывод, что и теологическое, и религиоведческое познание способно занять уникальную нишу в конституировании цивилизационной теории в XXI в., позволяющую постигать бытие субъектов цивилизации в их исторической конкретике, многообразии практик и смыслов. Теологическое знание дает представление о трансцендентальности божественного, его нередуцируемости до имманентных представлений, а религиоведческие знания позволяют уйти от редуцированных формул понимания места и роли религиозных институтов в структурах современности (нач. XXI в.).

Ключевые слова: государство-цивилизация, государство-империя, теология, религиоведение.

Для цитирования: Агапов О. Д. Развитие концепции государства-цивилизации: религиоведческие и теологические подходы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 54. С. 164–171. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.164>

Original article

The Development of the Concept of the State-Civilization: Religious and Theological Approaches

O. D. Agapov*

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

Abstract. The theoretical and methodological development of the concept of state-civilizations at the beginning of the 21st century presupposes the activation of strategies of trans- and interdisciplinarity, interaction of social sciences and humanities. Religious studies and theological knowledge should occupy a special place in this process, since in the civilizational approach of the XIX-XXI centuries,

the most important role in the formation of civilizations is assigned to the religious and/or theological factor. The importance of the participation of religious scholars and theologians is to become, based on their extensive theoretical background and empirical research, an intellectual force with its own research program capable of deconstructing the most radical interpretations of the philosophy of history, excluding the place and role of religious institutions and practices in the dynamics of the human race. In general, both theological and religious studies can occupy a unique niche in the constitution of civilizational theory in the 21st century. It allows us to comprehend the existence of the subjects of civilization in their historical specifics, a variety of practices and meanings. Theological knowledge gives an idea of the transcendental character of the divine, its non-reducibility to imminent representations, and religious studies knowledge allows to get away from the reduced formulas of understanding the place and role of religious institutions in the structures of Modernity (early XXI century).

Keywords: state-civilization, state-empire, theology, religious studies.

For citation: Agapov O.D. The Development of the Concept of the State-Civilization: Religious and Theological Approaches. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 54, pp. 164-171. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.164> (in Russian)

Введение

В политической философии и политологии в академическо-научном и прикладном планах в последнее десятилетие вырисовывается обсуждение вопросов, связанных с соотношением в историческом процессе Нового и Новейшего времени (XVII–XXI вв.) государств-цивилизаций, государств-наций и государств-корпораций. Следует согласиться с В. Спиридоновой, пишущей, что «главной новацией современности становится оформление совершенно новой идеи – идеи “государства-цивилизации”» [9, с. 40]. Например, с точки зрения цивилизационного реализма важно не только легитимизировать концепт государства-цивилизации, но и рассмотреть вопрос о его применении в практике международных отношений. А. В. Виноградов полагает, что государства-цивилизации как субъекты международной политики обладают иным масштабом и уровнем мышления, ответственности, ресурсами и целями развития» [2, с. 48]. Ф. Лукьянов и И. Сафранчук также предлагают учитывать масштаб и социокультурную составляющую государств-цивилизаций. Они полагают, что «по своей сути цивилизации долгосрочны и устойчивы, склонны к сосуществованию, а не активному соперничеству». Авторы даже выражают надежду, что «с акторами в виде сообществ, построенных на прочных цивилизационных началах, материально-глобальный и идеаторно-неуниверсальный мир мог бы быть гармоничным и стабильным. Разные субъекты не чувствовали бы опасности от взаимосвязи друг с другом» [10, с. 22].

Если идти дальше в методологической реконструкции исторического процесса возникновения форм государственности, мы неизбежно поставим вопрос о государствах-империях античности и средневековья как предпосылках современных политий в виде республик и федераций. В частности, А. Секацкий напоминает, что «империя есть уникальная структура личностной и сверхличностной регенерации; ее реставрация оживляет, то есть выводит из анабиоза, удивительные фигуры коллективной воли и личной причастности, казавшиеся навеки потерянными, развеянными как прах. Это не просто общая идея сплоченности, мобилизация жертвенного начала, что мо-

жет быть достигнуто и актуализацией режима чрезвычайной государственности» [11, с. 107]. Также и В. В. Малявин убежден, что «империя периодически встает из многообразия локальных культур, созидаемая упновием небесной полноты жизни. С такой же регулярностью она неудержимо растворяется, уходит в песок чистой актуальности быта. Примечательный, имеющий свою метафизическую глубину факт: правителям империи было свойственно прятать свои могилы. Однако речь идет, повторим еще раз, о двух полюсах одной оси жизненного сознания. Распад империи не устранил предпосылок к ее возрождению» [7, с. 253].

Тень империй маячит не только за европейскими государствами-нациями, но и за США. Д. Богатырев настаивает, что «США – не национальное государство, а первая в истории *протестантская империя*». В историческом развитии католицизм в полной мере проявился как проект Священной Римской империи, а православие – в Византийской империи, затем России. Американский прагматизм – это превращенная форма секуляризованного иудеохристианства и кальвинизма (теория М. Вебера): «В представлении о тождестве успешного с истинным совпадали исторические противники – светский гуманизм и радикальный кальвинизм» [1, с. 223].

В историко-феноменологическом плане, на наш взгляд, концепт государства-цивилизации есть продолжение государств-империй, но прошедший через горнило европейской политики и философии истории XVIII–XXI вв. Неслучайно, что сегодня китайские исследователи этого концепта пишут о том, что он позволяет осознать неевропейский модус модернизации не по М. Веберу, не на протестантско-христианской основе, а на конфуцианской, буддийской, исламской и в том числе христианско-католической и христианско-православной основе. Трудовой ethos современных государств Востока и Азии, как показывают исследования В. В. Малявина, В. Федотовой, Э. Шумахера и других, ничуть не уступает протестантскому. А. Щипков обращает наше внимание на социально-этическое ядро русской традиции. Его формула русского образа жизни «православная этика и дух солидаризма» предполагает разные формы востребованности евангельских архетипов в русском обществе. «Идея социальной справедливости в русской традиции берет начало не в политэкономических прописях марксистов (хотя эти прописи были востребованы в СССР), а в христианском сознании нации. Русская версия христианского социализма связана с именами Сергея Булгакова» [16, с. 264], Петра Струве, Валентина Свенцицкого, о. Павла Флоренского.

Методологическая стратегия концепции государств-цивилизаций

На наш взгляд, концепция государств-цивилизаций не только обновляет дискуссии в сфере политической философии, но и задает обширную научно-исследовательскую программу для всех философско-гуманитарных и/или социально-гуманитарных наук, в первую очередь теологии и религиоведения. Прежде всего, потому что и в своей классической версии «цивилизационная теория 1.0» (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель) и «цивилизационная теория 2.0» (Л. Н. Гумилев,

В. Л. Цымбурский, А. С. Панарин, А. С. Дугин, В. Н. Растворгув, А. В. Щипков, С. Хантингтон) предлагает рассматривать религии как один из фундаментальных для развития цивилизаций факторов.

Разумеется, мы отдаём себе отчет, что каждый из перечисленных мэтров-гуманитариев вкладывал совершенно разное содержание в понятие религии, а также по разному понимал и интерпретировал уровень и степень влияния религий на историческое бытие народов и наций, но совершенно точно все они видели в религии атрибут человеческого существования, социальную форму и образ жизни, определяющие не только способ предстояния трансцендентному, но уклады хозяйствования, политического поведения, социокультурных практик.

Именно способом открытия трансцендентного, формами предстояния трансцендентного (практики богообщения и богопознания) отличаются религии друг от друга, что и определяет создаваемые на их основании модели мировоззрения, стратегии жизнедеятельности в каждом из социальных институтов цивилизационного целого. Конкретнее, Л. В. Скворцов указывает, что «традиционно цивилизация была открыта в отношении трансценденции. Она духовно исходила из реальности великой неопределенности, которая определяла свободу формирования отношений человека с другим человеком и с природой. Теперь же неопределенность исчезает в алгоритмах. Человек, усвоивший алгоритмы, видит свою судьбу от момента рождения до самой смерти. Именно из этого мира человек и стремится вырваться куда угодно» [13, с. 242].

Трансцендентное выступает основой гуманитарных наук, но в современной версии – это чрезвычайно обедненная смыслами сфера философского и научного познания. Путь к восстановлению смыслов – это путь трансценденции. В свое время Э. Левинас отмечал, что методологическая стратегия выстроить гуманитарные науки по линейкам естественных наук привела к их смерти, ибо «забота о строгости заставляет психологов, историков и языковедов не слишком доверять некоему нянчащемуся с собой, оглядывающемуся на себя Я, которое не в силах защититься от классовых иллюзий и фантазмов своего скрытого невроза» [4, с. 223].

Таким образом, формализация и математизация оставляет от человеческого бытия *пустоту*: «внутреннее пространство самотождественного Я растворяется в целостности, где нет места тайникам души. В человеке все наружу» [4, с. 223]. Его «смерть, возрождение и преобразование разыгрываются отныне вдали от него самого», что ведет по Э. Левинасу к упадку европейского гуманизма, неспособного постичь феномены насилия и эксплуатации [4, с. 222].

Психоанализ как социокультурный манифест эпохи стал своего рода «точкой сборки» для нового субъекта, взятого на вооружение «человеком Модерна». В итоге фрейдизм стал тараном для *делигитимизации* прежних форм социальности, культуры, цивилизации, для замены позитивных смыслов социокультуры на негативные. «Религиозный человек был рожден, чтобы быть спасенным; психологический человек рожден, чтобы быть довольным. Различие этих двух критериев не ново, оно возникло тогда, когда вопль аскета “Я верю” уступил дорогу терапевтическому толкованию “есть такое ощущение”. Если терапевтику суждено победить, то его светским духовным гидом вне всяких сомнений станет психотерапевт» [6, с. 77].

Пример «человека психологического» / «человека Фрейда» можно смело экстраполировать на иные субъекты современности. Самой сложной фигурой в реестре субъектов модерна выступает *homo religious*, ибо, с одной стороны, это явно «контрабандный товар» в мире рациональности, с другой стороны, большинство религиозных конфессий XXI в. – это также результат пересборки XVIII–XX вв. Дмитрий Узланер считает, что *религиоведение* в известном смысле оказывается идеологией сложившегося современного (*modern*) *status quo*. Он пишет, что «победив католицизм, вернее силой превратив его в “религию” (всюду кроме, наверное, Ватикана), Модерн настолько укрепился в ощущении своей естественности, что изобретенные его архитекторами понятия (в нашем случае это “религия” и “светское”) отсоединились от исторического контекста своего создания и превратились в универсальные категории “научного” и “беспристрастного” анализа. Расчертыв в соответствии со своими понятиями все вокруг себя, Модерн начал искать (и находить) религии как по географической горизонтали, так и по исторической вертикали, не задумываясь, что тем самым он лишь вечно воспроизводит самого себя. Так ислам, индуизм, буддизм и прочие живые (и мертвые) традиции превратились в религии. Созданная равнодушными к духовным вопросам людьми категория (“религия”) вошла в повседневное употребление и до сих пор определяет обыденное (и не только) понимание происходящих с конкретными религиями процессов» [15, с. 149].

В погоне за деконструкцией *всего и вся* в антропной реальности «учителя подозрения» (К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд) сделали мир человека редуцированным. Мыслители проекта Просвещения и раннего модерна сочли, что любая трансценденция избыточна с экономической точки зрения, ибо «издержки на его содержание непомерно велики», но без трансцендентного нельзя обойтись, если мы говорим о субъекте или *сообществе субъектов* [12, с. 145].

А. Секацкий, анализируя специфику развития человеческого рода в переживаемую нами эпоху *транспарации* (прозрачности и примитивности), отмечает, что даже рутина повседневности требует «*трансцендентной санкции*», вне которой она теряет свое содержание и смысл [12, с. 145]. Выход из антиномии «трансцендентное – имманентное», по А. Секацкому, человек модерна попытался найти путем заимствования духовного у религий Востока, путем «распробования чужого смысла как своего», что, однако, не дало ему необходимых смыслов, энергии и силы для созидательной жизни [12, с. 46].

Объективное основание гуманитарных наук связано с тем, что бытие человека для самого человека – это тайна. Как заметил Ж. Л. Марион, разбирая концепцию человека Аврелия Августина, «нельзя сказать, что я есть всякий раз, когда я решаю быть, решаясь мыслить. Я есть всякий раз, когда – как любящий и наделенный собой – я позволяю незапамятному явиться мне в облике жизни – жизни, которая не принадлежит мне и именно потому пребывает во мне глубже, нежели я сам» [8, с. 159].

Станислав Каспэ убежден, что все государства-нации современности (XVII–XXI вв.) сталкиваются в своем развитии со своим пределом в форме трансцендентального, от которого они отказаться не могут, несмотря на все

разнообразие типов секуляризации и модернизации. Он пишет: «Только обретение политической нацией внеположного ей ценностного фундамента позволяет ей трансцендировать себя и тем самым убедительно легитимизировать собственное существование» [3, с. 60]. Более того, само развитие государств-наций только на уровне цивилизации обретает свою полноту и зрелость, но это требует от нее целеполагания в вечность, выбора и жертвы / посвящения, ибо «за приобретение одних “инструментальных выгод” приходится платить утратой других» [3, с. 60].

Перспективы

В историческом и теоретико-методологическом плане время становления теории государства-цивилизации (2000 г. – н. в.) связано с утверждением постсекулярной парадигмы, с реабилитацией места и роли религии / трансцендентального в бытии государств-наций. В российском академическом сообществе сегодня парадигма постсекуляризма представлена методологическими стратегиями модальной методологии Д. Зильбермана, концепцией нового ренессанса В. Бибихина, синергийной антропологией С. Хоружего – О. Генисаретского, апостольского христианства и социал-традиции А. В. Щипкова – В. А. Щипкова. Однако есть сложность возвращения Бога – интеллигенция как «новое духовенство секулярной эпохи», этот новый клир (по Дж. Милбанку – В. А. Щипкову). «Обожествление идей равенства, братства, свободы, а позже и “общечеловеческих ценностей” стало необходимой составляющей жизни без Бога. Новая секулярная идеология оправдывала свою безбожность, доказывая, что может выполнять те же функции без божественного начала – утверждать новую идею высшего блага формами высокой справедливости и всеобщего равенства, а также подменяя идею рая политическими и научными утопиями, дававшими ход развитию светского права и науки» [16, с. 28].

Одним из признаков возвращения трансцендентного стал процесс конституирования теологических дискурсов: политической теологии, конфессиональных теологий и т. д. На наш взгляд, теология в поисках образа Бога обосновывает для социально-гуманитарных наук образ человека [14]. Действительно, теология – «великий неизвестный» всех форм научного познания. В основе всех форм и типов научного познания лежит процесс изгнания или убийства Бога (по Ф. Ницше), «история вычитаний / вычищения» и человеческого, и божественного (по Ч. Тейлору). И естествознание, и социальные, и гуманитарные науки несут отсвет теологии и создают свои версии гражданских и политических религий. Ситуация постсекуляризма позволяет не только вывести на свет генеалогию вопроса, но и продумать формы и способы обогащения теологическими смыслами всего корпуса научных знаний, исправления заблуждений [6].

Речь не идет о замещении богословием научного знания, на повестке дня именно переосмысление истории конституирования и институализации научного познания в жестких исторических условиях эпохи модерна. Такой шаг позволяет понять, что «религиозное и научное познание дополняют друг

друга на эпистемологическом уровне; кроме того, честный диалог между верой и наукой приучает считаться с “инаковостью” другого. Подлинное научное познание признает пределы человеческого разума, его неспособность проникнуть в тайны мироздания и в поисках последней правды о мире рано или поздно сближается с богословием, начинает нуждаться в нем» [5, с. 92].

Таким образом, можно констатировать, что и теологическое, и религиоведческое познание способно занять свою нишу в конституировании цивилизационной теории в XXI в., позволяющую постигать бытие субъектов цивилизации в их исторической конкретике, многообразии практик и смыслов.

Список литературы

1. Богатырев Д. К. Мышление и Откровение. Систематическое введение в христианскую метафизику. СПб. : Изд-во РГХА, 2024. 448 с.
2. Виноградов А. В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. 2014. Т. 5, № 1. С. 47-52. EDN RTZSQJ.
3. Каспэ С. Политическая теология и nation-bilding общие положения, российский случай. М. : ROSSPEN, 2012. 191 с.
4. Левинас Э. Время и другой. СПб. : Высшая религиоз.-филос. шк., 1998. 264 с.
5. Лемени А. Тайна рациональности: к вопросу о диалоге между богословским и научным познанием // Научные и богословские эпистемологические парадигмы: историческая динамика и универсальные основания / под ред. В. Поруса М. : Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2009. С. 90-98.
6. Лурье С. В. Существует ли бессознательное? // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (6). С. 73–85.
7. Малявин В. В. Евразия и всемирность. М. : Шанс, 2022. 415 с.
8. Марион Ж.-Л. Это, или Наделенный собой : [пер. с франц. А. Черноглазова]. М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 161 с.
9. Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития / отв. ред. В. Н. Растрогуев ; науч. ред. А. В. Никандров. М. : Институт Наследия. 2016. 400 с.
10. Сафранчук И. А., Лукьяннов Ф. А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14-25. DOI 10.17976/jpps/2021.04.03. EDN JVPZJB.
11. Секацкий А. Жертва и смысл: очерки. Фонд содействия развитию современной литературы «Люди и книги», СПб. : Изд-во К. Тублина, 2020. 448 с.
12. Секацкий А. От Просвещения к транспарации. Последний виток прогресса. СПб. : Изд-во К. Тублина, 2012. 332 с.
13. Скворцов Л. В. Информационная культура и цельное знание. М. : Изд-во МБА, 2011. 440 с
14. Узланер Д. «Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. 416 с.
15. Узланер Д. Расколдовывание дискурса: «Религиозное» и «светское» в языке нового времени // Логос. 2008. № 4. С. 140–159.
16. Щипков В. А. Постсекулярная речь. Ценностное измерение современных культурных и политических процессов. М. : МГИМО-Университет, 2019. 306 с.

References

1. Bogatyrev D.K. *Myshlenie i Otkrovenie. Sistematischeskoe vvedenie v khristianskuyu metafiziku* [Thinking and Revelation. A Systematic Introduction to Christian Metaphysics]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2024, 448 p. (in Russian)
2. Vinogradov A.V. *Dialogovyi format BRIKS i ego rol v stanovlenii mnogopolyarnogo mira* [The Dialogue Format of BRICS and Its Role in the Formation of a Multipolar World]. *Comparative Politics Russia*, 2014, no. 1(14). (in Russian)
3. Kaspe S. *Politicheskaya teologiya i nation-bilding: obshchie polozheniya, rossiiskii sluchai* [Political Theology and Nation-Building: General Provisions, the Russian Case]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 191 p. (in Russian)

4. Levinas E. *Vremya i drugoi* [Time and the Other]. St. Petersburg, 1998, 264 p. (in Russian)
5. Lemeni A. Taina ratsionalnosti: k voprosu o dialogue mezhdju bogoslovskim i nauchnym poznaniem [The Mystery of Rationality: On the Dialogue between Theological and Scientific Knowledge]. *Nauchnye i bogoslovskie epistemologicheskie paradigmы: istoricheskaya dinamika i universalnye osnovaniya* [Scientific and Theological Epistemological Paradigms: Historical Dynamics and Universal Foundations]. Ed. by V. Porus. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreya Publ., 2009, 271 p. (in Russian)
6. Lur'e S.V. Sushchestvuet li bessoznatelnoe? [Does the Unconscious Exist?]. *Proceedings of the Department of Theology*, 2020, no. 2(6), pp. 73–85. (in Russian)
7. Malyavin V.V. *Evraziya i vsemirnost* [Eurasia and Universality]. Moscow, Mezhdunarodnaya izdatelskaya kompaniya "Shans" Publ., 2022, 415 p. (in Russian)
8. Marion J.-L. *Ego, ili Nadelennyyi soboi* [Ego, or Endowed with Oneself]. Transl. from French by A. Chernoglazov. Moscow, RIPOL klassik, Pangloss Publ., 2019, 161 p. (in Russian)
9. Rossiya kak gosudarstvo-tsivilizatsiya: vysshie tseli i alternativy razvitiya [Russia as a Civilization-State: Higher Goals and Alternatives of Development]. Ed. by V.N. Rastorguev, sci. ed. A.V. Nikandrov. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2016, 400 p. (in Russian)
10. Safranchuk I.A., Luk'yanov F.A. Sovremennyi mirovoi poryadok: adaptatsiya aktorov k strukturnym realiyam [The Contemporary World Order: Adaptation of Actors to Structural Realities]. *Polis. Political Studies*, 2021, no. 4. (in Russian)
11. Sekatskii A. Zhertva i smysl: ocherki [Sacrifice and Meaning: Essays]. St. Petersburg, Fond sodeistviya razvitiyu sovremennoi literatury "Lyudi i knigi" Publ., 2020, 448 p. (in Russian)
12. Sekatskii A. Ot Prosveshcheniya k transparatsii. Posledniy vitok progressa [From Enlightenment to Transparency. The Last Turn of Progress]. St. Petersburg, 2012, 332 p. (in Russian)
13. Skvortsov L.V. *Informatsionnaya kultura i tselnoe znanie* [Information Culture and Integral Knowledge]. Moscow, MBA Publ., 2011, 440 p. (in Russian)
14. Uzlaner D. *Postsekulyarnyi poverot. Kak myslit o religii v XXI veke* [The Postsecular Turn. How to Think about Religion in the 21st Century]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2020, 416 p. (in Russian)
15. Uzlaner D. Raskoldovyanie diskursa: "Religioznoe" i "svetskoe" v yazyke novogo vremeni [Disenchantment of Discourse: The "Religious" and the "Secular" in the Language of Modernity]. *Logos*, 2008, no. 4, pp. 140–159. (in Russian)
16. Shchipkov V.A. *Postsekulyarnaya rech. Tsennostnoe izmerenie sovremennykh kulturnykh i politicheskikh protsessov* [Postsecular Speech. The Value Dimension of Contemporary Cultural and Political Processes]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2019, 306 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Агапов Олег Дмитриевич
доктор философских наук, профессор,
директор НИИ социальной философии
Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирясова
Российская Федерация, 420111, г. Казань,
ул. Московская, 42
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Information about the author

Agapov Oleg Dmitrievich
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Director of the Research Institute of Social
Philosophy
Kazan Innovation University named after
V. G. Timiryasova
42, Moskovskaya st., Kazan, 420111,
Russian Federation
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru